

П

оздно вечером злющая до невозможности Зойка, накинув на голову платок, вышла из дома.

— Вот гад, ну гад, пьянь, паразит, петух общипанный! — ругалась она вслух, вышагивая по темной улице к дому подружки Люськи. — Попадись ты мне только, я тебе устрою сладкую жизнь, я тебе так устрою, что век помнить будешь! Ты у меня попрыгаешь, пьянчуга подзаборная!

— С кем это ты разговариваешь? — раздался из темноты насмешливый Люськин голос. — Сама с собой, что ли?

— С собой, с собой... с кем еще, — остановилась возле подружки Зойка. — Моего у тебя нет?

— Так и моего еще не было, — исчезли насмешливые нотки у Люськи.

— Ясно! Я так и знала, сердцем чую: опять пьют где-то, алкаши недоделанные! Ну, погоди у меня, придешь ты домой, — погрозила кулаком в темноту Зойка.

— Что делать будем, а? Может, к Дездемоне сходим? — предложила Люська.

— А что толку, вряд ли они там пьют, Дездемона давно б уже выгнала. Где-нибудь за деревней соображают, — махнула рукой Зойка. — Пойду назад, никуда не денется, приползет.

Проснувшись утром и не найдя в доме мужа, Зойка обошла весь двор, заглянула в сарай и на сеновал. «Паразита» нигде не было. Наскоро управившись со скотиной, Зойка поспешила к подружке.

— Семен ночевал? — с порога крикнула она.
— Нет, а твой? — вышла из кухни взволнованная Люська.

— И моего нет, — плюхнулась на стул Зойка.

— Может, случилось что?

— Да что с ними могло случиться, с алкашами! Перепились и спят где-нибудь, — скривила толстые губы Зойка.

— Не знаю, не знаю, Зой, — покачала головой подруга. — Мой-то никогда на ночь не загуливал, даже в дрезину пьяный и то домой приползал.

— Приползал, говоришь? — призадумалась Зойка. — Ну, пошли тогда до Дездемоны, у ее мужика спросим.

Дверь им открыла сама Дездемона, длинная, худющая, с растрепанными волосами непонятного цвета.

— Верка, своего позови.

— Нет его, — зевнула в ответ хозяйка.

— А где он?

— А черт его знает, — недобро блеснула глазами Дездемона. — У шалавы какой-нибудь ошивается. Пусть только явится, я ему всю морду искорябаю.

— Значит, тоже не ночевал, — констатировала Люська.

— Что значит — тоже? — подбоченилась Дездемона.

— А то и значит, что не у одной тебя мужик пропал. Наших тоже нет дома.

— А может, они вместе по бабам шляются? — осклабилась Дездемона.

— Дура, — налилась краской Люська. — У тебя только одни паскудства на уме.

— Сама дура, — огрызнулась Дездемона. — Им только дай волю, козлам блудливым, они тут же под чужую юбку залезут.

— Ладно вам лаяться, — одернула обоих Зойка. — Идем в правление к преу.

И подруги, толстая Зойка и маленькая Люська, решительно зашагали к правлению. За ними, запахивая на ходу халат, поспешила Дездемона.

Рассказав председателю о своей пропаже, женщины вместе с ним отправились к заброшенным руинам барского дома, где накануне разбирали кирпич их мужья.

У развалин одиноко стоял трактор, в прицепе лежал аккуратно сложенный кирпич, и вокруг ни души.

— Куда же они могли подеваться? — недоуменно пожал плечами председатель.

— Я ж говорю, блудят где-то, — принялась за свое Дездемона.

— Три человека — не один. Если б гуляли у кого, вся деревня знала б, — задумчиво покачал головой председатель.

— А может, они в другой деревне блудят? — не успокаивалась ревнивица.

— Слушай, Верка, может, хватит, а? — раздраженно накинулась Люська на Дездемону. — Если твой по бабам шарится, это не значит, что и у других такие же.

— Вот что, девушки, — почесал затылок председатель, — в другую деревню они вряд ли подались — трактор-то здесь стоит. Походите-ка вы лучше по нашему поселку, может, у кого в садочке опохмеляются. Ну, а если к вечеру не объявятся, тогда ко мне, будем искать всем миром. Но, вообще-то, пьют они где-нибудь втихую.

Вечером в конторе у председателя Зойка нервно докладывала:

— Всю деревню несколько раз обошли, нет их нигде, как сквозь землю провалились.

— Вы в Осиновку позвоните или в Волково, — встряла в разговор неугомонная Дездемона. — Там они развратничают, чует мое сердце, больше негде.

— Попробую, — снял телефонную трубку председатель.

Но ни в Осиновке, ни в Волково о пропавших ничего не слышали.

Через час к правлению колхоза на мотоцикле подкатил участковый.

— Вот, Филимоныч, пропали у нас трое. Вчера у барского дома кирпич чистили и с работы не вернулись. И сегодня их никто не видел. Трактор у развалин стоит, инструмент валяется, а мужиков след простыл. Прямо наваждение какое-то, словно НЛО их забрало.

— Знаю я это НЛО, — затараторила Дездемона. — Ты, Филимоныч, к Нюрке сходи, у нее они, нюхом чую.

— Да что ты чушь все несешь, — накинулись на Дездемону подруги. — С тобой же к Нюрке ходили, нет там никого.

— Так она вам этих кобелей и покажет, раскатали губищи, — не сдавалась ревнивая баба.

— Верка, помолчи, — оборвал ее участковый. — А вы тоже успокойтесь, — прикрикнул он на загалдевших баб. — Найду я вам пропажу, куда ваши мужики не денутся. Не растворились же они, в самом деле. Наверняка пьют где-то, больше и думать нечего.

Но ни в этот вечер, ни на следующее утро мужики так и не объявились. Мало того, за ночь пропало еще четверо. Филимоныч в недоумении только руками разводил и пытался переорать наседавших на него баб.

— Ну, не знаю я пока еще, где они находятся! В других деревнях их тоже нет, значит, здесь где-то схоронились.

— А может, неживые они уже, — запрчитала вдруг Люська.

— Что ты ерунду городишь, — сорвал голос участковый. — Что значит — неживые?

— А то, — с новой силой заволновались бабы. — Может, маньяк у нас в деревне объявился, или басмачи в рабы мужиков уворовали, или на выкуп.

— Какой маньяк, какие басмачи? — вылупил глаза Филимоныч. — Общее помешательство у вас, что ли?

— Сам дурак. Аль телевизор не глядишь? Вон в Сирии сколько рабов находили, и денег миллионы требуют! — орала бабы, не давая участковому опомниться. — А ты тут штаны протираешь. У тебя из-под носа семейных уже утащили, а ты и глазом не моргнешь. Совсем нюх потерял.

— Да че вы на Филимоныча набросились? — пожалела растерявшегося милиционера Верка. — Никакие это не басмачи, это волковские шалавы наших мужиков сманивают.

— Дездемона, ты уж прям сразу объяви, что в Осиновке и в Волково позавчера публичные дома открыли, а мы об этом до сих пор ничего не знали, — съязвил кто-то.

Вокруг раздался оглушительный хохот.

— Ладно, смейтесь, — обиделась Верка. — А вот как еще кто-то пропадет, тогда вспомните мои слова, да поздно будет, опутают мужиков лахудры волковские.

Дездемона как в воду смотрела — к вечеру пропало еще девять человек.

— Звони в область, пусть собаку присылают, — наседали на участкового разъяренные бабы.

— Не смешите народ — собаку приглашать! Что тут, убийство какое произошло? Ни трупов, ни крови. Да меня пошлют куда подальше, и весь разговор.

— Тогда сам ищи, нюхай, а не стой тут, как истукан!

— А вы не орите, у меня от вашего ора уже мозги вздулись, того и гляди лопнут.

— Пусть лопают, один черт от них никакого проку.

— Все, бабы, шабаш! — рявкнул на толпу Филимоныч. — Я вам говорю: они точно где-то пьют, поэтому давайте искать их всем миром. Сегодня уже поздно, скоро темно, поэтому устройм в огородах засады. Им же нужно чем-то закусывать, думаю, к утру их вычислим. Если нет, тогда с утра каждую щель в округе проверим. Согласны?

— Чего уж теперь, — дружно закивали бабы. — Назначай, кто куда.

— Дежурить будете по трое. Если кого увидите, шум не поднимайте, пусть запасутся, чем пожелают, а потом, когда обратно возвращаться станут, проследите за ними. Заметьте, где прячутся, — и сразу ко мне. Мы их всей деревней брать будем. Все ясно?

— Давно бы так, — воспрянули духом бабы, расходясь по назначенным местам. — Уж мы их возьмем, так возьмем, только кости затрещат!

Где-то, только-только за полночь, сидя в засаде за кустами смородины в своем огороде, Зойка толкнула локтем Люську.

— Слышала? — указала она кивком головы в сторону забора.

— Что? — испуганно прошептала Люська.

— Штакетник треснул.

— Я сейчас проверю, — дернулась было с места Дездемона.

— Сидеть, спугнешь! — схватила ее за локоть Зойка. — Филимоныч приказал только вслед идти.

Бабы вновь затаились, напряженно всматриваясь в темноту. Минуты через две от забора отшатнулась чья-то тень. Кто-то порыскал по огороду минут пять и опять исчез за забором.

— Пора, — поднялась из-за кустов Зойка.

Замирая от страха, бабы осторожно двинулись вслед ночному пришельцу. По земле стелился редкий туман, небо заволакивало тучами, и только приглушенная ими луна давала возможность преследователям различать впереди смутную фигуру.

Выделявая замысловатые петли, тень плыла в волнующейся дымке в сторону барских развалин.

Люська, Зойка и Верка, дрожа в предчувствии чего-то ужасного, старались не отставать от «привидения».

— Зойка, видала? — вдруг затыкала пальцем вперед Дездемона. — Испарилось оно, нет его нигде.

— Ой-ё-ёй, — закрестилась в ужасе Люська. — Это мертвяк, бабоньки, зама-нивает!

— А-а-а! — заголосила Верка и первая кинулась прочь.

За ней рванули и остальные. Не разбирая дороги, спотыкаясь и падая, бабы с дикими подвываниями влетели в деревню. Найдя Филимоныча у правления, они, перебивая друг друга, принялись взахлеб рассказывать ему о случившемся.

— Мертвяк это был, — заикаясь, всхлипывала Люська. — Мертвяк

самый натуральный, я сразу обратила внимание! Над землей парил, ноги болтались из стороны в сторону, а как до развалин долетел, тут же пропал, сквозь землю провалился.

— Старый барин это, — выпучив глаза, показывала параметры привидения Дездемона. — Мне еще бабка рассказывала: ходит по ночам, невесту себе ищет. Найдет красивую и за собой в могилу утаскивает.

— Ага, точно, — раздался чей-то насмешливый голос. — За Дездемой мертвяк приходил. Красивше ее в нашей деревне сегодня не сыскать никого.

Кругом грянул громкий смех сбежавшихся на крики баб, и в сторону Верки понеслись подковырки.

— Что ж ты, Верка, за ним не бросилась? Глядишь бы, уж сидела б сейчас во дворце подземном и купалась в золоте и бриллиантах. Иль Зойка с Люськой не пустили?

— Дуры, я ить серьезно говорю, — не на шутку разошлась Дездемона. — Барин это мертвый, вот вам крест.

— Ага, барин, — смеялись кругом. — Встал из гроба и напрямик до Верки жениться! А она его не поняла, счастье свое невестино под землю упустила.

— Ну, все, хватит, — отсмеявшись, строго прикрикнул на баб Филимоныч. — С барином все ясно. Вы мне лучше скажите: место, где это привидение исчезло, вы запомнили?

— Да вроде, — неуверенно затопталась на месте Зойка.

— Тогда пошли, — скомандовал участковый и решительным, широким шагом направился в сторону барской усадьбы. Не услышав за собой шагов, Филимоныч оглянулся назад. — Вы чего? — удивленно спросил он у стоявших как вкопанных женщин.

— Ночью?! — ахнула Дездемона. — Я не камикадзе какая-нибудь — добровольно отправляться на съеденье к вурдалаку!

— Какому вурдалаку, какому вурдалаку! — топнул сапогом обозленный Филимоныч. — Ты чего, белены объелась, или наркотик какой проглотила?

— Ничего она не глотала, — вступилась за Верку Зойка. — Откуда нам знать, кто там шастает! Может, там бандюги какие, бандеровцы?

— Кто-кто? — аж присел пораженный Филимоныч.

— Бандеровцы, — неуверенно повторила Зойка.

— Тьфу ты, черт! — сплюнул от досады участковый. — Точно сдурели. Какие еще бандеровцы, их уж полвека как нет!

— Как нету, если на Украине аж целое войско.

— Так то ж на Украине, а не у нас в деревне. С ума что ли сбрендила?

— А если нету, тогда кто это, а? — скрестила руки на пышной груди Зойка.

— Мужики это ваши, вот кто!

— Не, мужики наши ни с того ни с сего растворятся не станут, я по своему Степану знаю, — задумчиво произнесла Люська.

— Ну-ну, давай высказывай, кто же это, по-твоему? — раздраженно посмотрел на нее Филимоныч.

— Права Верка, как бы вы над ней не смеялись, барин это прежний, места себе не находит.

— Может, и точно барин? — засомневались вдруг бабы. — Ведь и нам раньше в детстве бабки рассказывали страшные истории про развалины.

Филимоныч, открыв от изумления рот, обвел всех обалдевшим взглядом.

— А может, и не барин, — неожиданно изменила свое мнение Люська. — Может, мертвяк какой в дом к кому-нибудь хотел прийти, кладбище-то рядом.

— Свят, свят, свят, — закрестились бабы, испуганно поглядывая друг на друга.

— У тебя что, крыша совсем поехала? Приди в себя! — заорал на Люську Филимоныч. — Может, санитаров из дурдома вызвать? — И тут же обратился к толпе: — Ладно, бабы, давайте по домам. Возьмите, если уж вам так страшно, вилы, топоры, фонарики — и вперед, барина искать.

— Я кол осиновый захвачу, — серьезно заявила Дездемона.

— Зачем? — не понял Филимоныч.

— В сердце вурдалаку вбивать.

— Бери хоть десять, — махнул рукой участковый.

Через час вооруженные до зубов бабы во главе с Филимонычем подошли к заброшенной усадьбе.

— Кажись, где-то здесь, — неуверенно остановилась Зойка у кустов сирени.

— Тогда так, — громким шепотом распорядился Филимоныч, — разбиваемся на группы по пять человек и тихо, как мыши, обследуем каждый кустик, каждое деревце, каждую канавку вокруг. В случае чего — кричите, ясно?

— Ясно, — дружно закивали бабы и разбрелись в темноте.

Минут через десять ночную тишину прервал дикий вопль:

— А-а-а!

За ним прозвучал другой, потом третий, и через минуту округа вопила что есть мочи. Со всех сторон мимо участкового в сторону деревни пробежали бабы. Спотыкаясь, они падали в мокрую траву, тут же вскакивали и неслись прочь, крича дурными голосами.

Филимоныч и сам, не зная, что и подумать, кинулся вслед за женщинами. Только у околицы все потихоньку остановилось.

— Вы чего? — перевел сбившееся дыхание участковый, поправляя фуражку. — Случилось что?

— Заорал кто-то, — икнув, ответила Люська.

— И что?

— Страшно, — загалдели кругом бабы.

— Значит, кто-то один заорал, — стало доходить до «Анискина», — и все — тоже, кто-то один побежал — и остальные тоже, так?

— А сам-то чего, лучше, что ли? — огрызнулись бабы.

— Кто первый закричал, признавайтесь! — не стал вступать в перебранку участковый.

— Ну, я, — всхлипнула в толпе Дездемона.

— Почему, можно полюбопытствовать? — съехидничал Филимоныч.

— Из-под земли голоса раздавались, — стучала зубами Верка.

— Свят, свят, свят, — в страхе закрестились бабы.

— А тебе не померещилось? — прищурил глаза Филимоныч.

— Н-нет.

— Понятно... — Сдвинув фуражку на густые брови, участковый задумчиво почесал затылок.

— Что — понятно? — насторожились женщины.

— Под землей они.

— Кто «они»? — в испуге взвизгнули в толпе. — Мертвяки?

— Дуры, мужики ваши, вот кто! — в сердцах сплунул Филимоныч, поражаясь бабской глупости. — Видать, нашли все ж погреба...

— Какие погреба? — с любопытством уставились на «Анискина» бабы, отходя от испуга.

— А такие, — обвел всех победным взглядом участковый. — Если вы помните сказки про барина, должны помнить и рассказы про винные погреба, что были в старину при этой усадьбе. Мне отец рассказывал, что в его молодости эти подвалы еще искали, а потом забросили, посчитав все это за выдумки. Но, видать, это правдой оказалось. Другого объяснения пропаячи наших мужиков я не нахожу. Наверное, они случайно наткнулись на погреба, ну и...

— Идем назад! — загалдели вокруг бабы. — Верка, показывай место, где голоса слышала. Это что ж такое, без нас дворянское вино хлестать!

— Не пойду, — уперлась Дездемона. — Давайте утром.

— Никакого утра. Сейчас! Немедленно! — орали бабы, подталкивая Верку в спину. — До утра они, может, все выпьют. Что ж, из-за твоей трусости нам без барского вина оставаться? Веди, а то поколотим.

Вернувшись к развалинам, Дездемона молча показала страшное место.

Тщательно обследовав небольшой участок усадьбы, бабы наткнулись на лаз под землю, прикрытый ржавым куском железа. Из-под него наружу прорывались приглушенные мужские голоса.

— Ну, вот вам и барин-вурдалак, и мертвяки, и бандеровцы, — усмехнулся Филимоныч, отодвигая в сторону ржавую крышку. — Я спущусь первым, оценю обстановку, а потом вас кликну.

— Ни черта, — оттолкнули его в сторону бабы. — Не надо нам никакой обстановки. Знаем мы тебя, счас будешь орать, что все конфискуешь именем закона. Мы чего, зря страхи такие терпели, ночь не спали, чтоб ты наше вино у нас отбирал? Отойди, Филимоныч!

— Пойдите, — попытался прорваться к лазу «Анискин», — слово даю, что не буду ничего конфисковывать. Сами подумайте, мужиков надо подготовить, а то ведь вас увидят — сразу скандал, мордобой. А я их припугну, постращаю, тогда и вы спуститесь.

— Не врешь? — подозрительно поглядывали на Филимоныча бабы.

— Да когда я врал? — оскорбился участковый.

— Перекрестись, — нахмурилась Зойка.

— Вот-те крест! — простучал по груди Филимоныч.

— Лезь, — согласились бабы.

Минут через пятнадцать из лаза появилось раскрасневшееся довольное лицо Филимоныча.

— Бабоньки, да там не склад, а клад самый настоящий! — в восторге тряс початой бутылкой вина «Анискин». — Ох, и вина, ну и вина! На неделю пить не перепить! А выдержки какой невиданной! За сто лет...

— Где там наши голубочки? — радостно затараторили бабы, спускаясь в погреб. — Соскучились, небось, без нас?

— А то-о-о... — глухо ответило подземелье.

